

вибору підприємств за умов довгострокового збереження регресивної тенденції нової економіки.

Література

1. Болдырев И.А. Онтология ортодоксальной экономической науки: проблемы построения и интерпретации /Болдырев И.А.//Вопросы экономики, 2008. - № 7.- С.36 -50
2. Корнаи Я. Системная парадигма [Текст]/ Корнаи Я. Пер. с англ.// Вопросы экономики. – 2002. – № 4 – С. 4 – 22.
3. Решетняк Т.І. Онтологія як метод наукового реалізму в економічних дослідженнях [Текст] / Решетняк Т.І. // Стратегія економічного розвитку України: Зб.наук.праць.-вип.29 / Голов. Ред. А.П.Наливайко.- К.:КНЕУ. – 2011. - С.3-11
4. Gambetta D., Origgi G. L-worlds: The curious preference for low quality and its norms [Електроний ресурс] / Gambetta D., Origgi G.// University of Oxford, Sociology Working Papers ,Paper Number 2009, №8. - Режим доступу: <http://www.sociology.ox.ac.uk/documents/working-papers/2009/2009-08.pdf>
5. The Economic World View: Studies in the Ontology of Economics. Edited by Uskali Maeki [Електронний ресурс] / Uskali Maeki / Cambridge University Press, 2001. – 400 p. - Режим доступу: <http://economicsbooks.econguru.com/book/>

Черенков М.Н.

ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ГОРОД: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В АПОКАЛИПТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Социально-экономическое развитие региона основывается не только на динамике производительных сил и производственных отношений, но определяется раскрытием целостной перспективы региональных сообществ, средоточием жизни которых является город. Без вопроса о *будущем* города невозможно устойчивое и целостное развитие, будущее же невозможно без осмысления его утопически-оптимистичных, антиутопических и апокалиптических сценариев, и свободно-волевого следования выбранными путями. Каждому из названных сценариев может соответствовать свой тип дискурса – позитивистско-прогрессистский, алармистский, эсхатолого-конструктивистский. О последнем следует сказать подробнее в теолого-философском ключе.

Постсоциалистический город напоминает о том, что было, социалистический эксперимент оставил свои следы. Вместе с тем, постсоциалистический город уже самим своим постсуществованием задает вопрос о будущем, которое открывается по ту сторону современности, после нее. Так постсоциализм вписывается в общий ландшафт постсовременности, а город становится ее локу-

сом, хронотопом или же перепутьем путей, на которых она ищет себя, ищет свой город или сам город ищет ее.

Постсоциалистический город являет знаки обреченности, апокалиптической предрешенности своей судьбы. Чернобыльские города-памятники остановившимся мгновениям, мертвые многоэтажки шахтерских городов, руины брошенных школ и больниц, язвы промзон на теле разрастающихся мегаполисов напоминают о непрекращающемся кризисе города как творения человека в его споре с Творцом. Апокалипсис продолжается сквозь историю, и судьба города его манифестирует. В постсоциалистическом городе пересекаются история социальная и история апокалиптическая, два града соприсутствуют в одном, поэтому можно попытаться понять историю города в свете реализующегося апокалиптического будущего.

В апокалиптике города, заданной Иоанном Богословом, сочетаются противоречивые характеристики и чувства. Все города обречены и грядущее воздаяние должно бы радовать, но об их гибели плачут как о цивилизационной катастрофе. Христиане радуются свершению судов над городом как средоточием земной, преходящей, мирской жизни. Но взамен града земного с неба нисходит град Божий (Откр. 21:2). Так весь цикл истории заканчивается новосельем, пиром в новом граде, светлом и золотом.

В апокалиптике постсоциалистического города частично реализуется большой апокалиптический план. На городских улицах встречаются обреченность и чаяние новой жизни, печать смерти и ростки будущего, пыль мертвого прошлого и ветер перемен. Города сами плачут и вызывают слезы о случившейся катастрофе, хлопая дверями, ведущими в никуда, и зияя пустыми глазами окон. Гуляя заросшими до небес улицами чернобыльских городов, слушая тишину, которой боятся птицы, внутренность наполняется жалостью и щемящей ностальгией – отнюдь не по советской эпохе, а по той жизни, которая была в этих квартирах, в этой школе, в этом детском магазине. Здесь утром былолюдно – спешили на работу, в детский сад, в школу, или занять очередь за молоком в магазине. Днем здесь слышался смех играющих детей. А вечерами светились окна, и на этот свет возвращались с работы, неся в руках бумажные свертки нехитрой снеди. Примерно то же воображается, те же органы памяти болят, когда оказываешься в ныне полувымерших шахтерских городах Донбасса, и в других регионах, где случилась техногенная или социальная катастрофа, где закрывались градообразующие предприятия, где спивались отчаявшиеся люди, где в подвалах играли беспризорные дети.

Постсоциалистические города напоминают о трагедиях и катастрофах, их тела носят на себе стигматы истории, ее раны. Они напоминают о прошлом, о той жизни, которая уже никогда не повторится. Вопрос не в том, хорошая она была или плохая. Вопрос в жизни как таковой, она была и ушла. В этом смысле город не только способ организации жизни, но и ее памятник. Постсоциалистический город – это памятник тех поколений, которые с гордостью носили или принципиально не носили пионерские звезды, сажали в тюрьму диссидентов или сидели там сами, доносили по-морозовски или работали по-стахановски.

Но и тех, и других город помнит молодыми; он помнит застенчивые взгляды и первую любовь, помнит первую зарплату и рождение ребенка, помнит свадьбу и помнит похороны.

Круговерть жизни и смерти носится ветром на городских проспектах. Больницы и школы берегут жизнь, но имена улиц говорят только о мертвых. О смерти говорят газеты, которыми заклеены окна в старых-старых домах или навсегда закрытых пионерлагерях. О смерти говорят фотографии членов политбюро, заменяющие иконостас бабушкам-коммунисткам. О смерти говорит помятый горн, чудом сохранившийся привет из пионерской комнаты. Дома стареют, заводы закрываются, кладбища переполнены. Никто больше не сажит деревьев и клумбы плачут об исчезнувших розах. Зато появляются бизнес-центры, торговые комплексы, офисы и отели. Это не продолжение жизни, это продолжение апокалипсиса, новые попытки его оспорить, отменить исход, конец, суд. Смешение постсоциалистической разрухи и островков бизнес-роскоши лишь усугубляет впечатление безнадежности. Все города воспроизводят архетип вечного города, который отстраивается и разрушается, но во всем этом он умирает, его успехи – его же агония.

Попытки человека строить в мире, где все обречено огню на «день суда и гибели» (2 Петра 3:7), выглядят больше, чем сизифовым трудом, это труд Каина, знающего о своей вине и пытавшегося обмануть свою обреченность (Быт. 4:17). Этот круг развития и упадка, цикл жизни и смерти, повторяясь в судьбе городов, говорит о судьбе человека. В нем есть и надежда продолжения и обреченность угасания.

На основаниях Каина город обречен, хотя ради жизни новых поколений его история длится. Интуиция нового города, предчувствие, поиск «града Божьего» сопровождает человечество постоянно, и лучшие образы мы встречаем не в текстах утопистов, а в Апокалипсисе Иоанна Богослова. Город должен быть построен на новых основаниях, лишь тогда жизнь не будет омрачена, лишь тогда история встретится с вечностью.

Необходимость новых оснований, переоснования, основания нового града хорошо понятна жителям постсоциалистических городов – недостаточно обновить фасады, отремонтировать дороги, достроить еще один дом; необходимо перепланировать городской план, проложить новые коммуникации, широкие транспортные магистрали, выстроить всю инфраструктуру по современным требованиям *жизни*.

Аполиптический образ грядущего града, спускающегося с небес, напоминает о тщетности усилий сохранить град земной, утвердить его преходящий исторический статус как вечный. Но он же говорит о надежде, о том, что в историю входит новая сила и постсоциалистический период – это не конец того, что было при социализме, а начало того, что еще будет.

ОСНОВИ ФІНАНСОВОГО МЕХАНІЗМУ ДЕРЖАВНОГО РЕГУЛЮВАННЯ ЛЮДСЬКОГО РОЗВИТКУ В РЕГІОНІ

В сучасних українських реаліях наявні передумови зміни парадигми бюджетного механізму управління національним та регіональним розвитком до переходу від застосування теорії зайнятості, економічного зростання і матеріального добробуту на використання положень та показників Концепції людського розвитку.

При цьому показники соціально-економічного розвитку національного господарства та регіону стають не тільки функцією виключно природних ресурсів, капіталу та організаційно-технічних факторів, а й результатом реалізації соціального капіталу – освіченості, здоров'я, культури, історичної спадщини населення, свідомості здійснення екологізації виробництва в підприємницькій діяльності та інше [1, 2].

В зв'язку з цим доцільно розробляти Національну та регіональні Програми людського розвитку, які повинні стати центральними серед бюджетних програм на загальнодержавному та регіональних рівнях державного регулювання соціально-економічними процесами [3].

В Україні з 1999 року розраховуються Індeksi регіонального людського розвитку (ІРЛР) за адміністративно-територіальним устроєм: по 24 адміністративним областям, АР Крим, м. Києву і м. Севастополь.

Завдяки цьому, в межах оновленого Бюджетного кодексу України результати рейтингових оцінок ІРЛР доцільно почати використовувати при визначенні пріоритетів, обсягів та структури місцевих фінансів та міжбюджетних трансфертів для фінансування складових людського розвитку в процесі розробки середньо- та довгострокових планів та програм соціально-економічного розвитку регіонів [4].

Методологія розрахунку ІРЛР ґрунтується на мінімальному наборі показників, які відображають ключові можливості у забезпеченні всього процесу людського розвитку на даній території: прожити довге й здорове життя (вимір – довголіття); набути, розширювати й оновлювати знання (вимір – освіченість); мати доступ до засобів існування, що забезпечують гідний рівень життя (вимір – матеріальний рівень життя) [1, 2].

В Україні визначені узагальнюючі індикатори 9 основних аспектів людського розвитку за адміністративно-територіальним устроєм: демографічний розвиток, розвиток ринку праці, матеріальний добробут, умови проживання, рівень освіти, стан та охорона здоров'я, соціальне середовище, екологічна ситуація, фінансування людського розвитку.

Наведені аспекти можуть слугувати ознаками визначення відповідних підпрограм Програми людського розвитку на місцевих рівнях адміністративно-територіального устрою держави.